

Geoffrey Cain

The Perfect Police State

An Undercover Odyssey
into China's Terrifying
Surveillance Dystopia
of the Future

Public Affairs, 2021

Джеффри Кейн

Государство строгого режима

Внутри китайской
цифровой
антиутопии

Перевод с английского
Дмитрия Виноградова

Individuum, 2024

УДК 323.1(510)
ББК 63.3(5Кит)6
К33

Published by arrangement with
The Robbins Office, Inc.
International Rights Management:
Greene & Heaton

Кейн, Джеффри.

К33 Государство строгого режима. Внутри китайской цифровой антиутопии / Джеффри Кейн (пер. с англ. Д. Виноградова). – М.: Индивидуум, 2024. – 336 с.

ISBN 978-5-6048295-7-8

Китай выстроил самую изощренную систему тотального контроля над населением в истории человечества. Полигоном для этого эксперимента стал Синьцзян – регион на северо-западе страны, где живут тюркоязычные уйгуры. Цифровые технологии подарили государству беспрецедентные возможности надзирать и наказывать: от вездесущих камер видеонаблюдения с функцией распознавания лиц до интернет-слежки и алгоритмов, которые якобы могут предсказывать будущие преступления. Скажете или сделаете что-то, что не понравится властям, – и можете отправиться в лагерь или бесследно исчезнуть. Американский журналист Джеффри Кейн побывал в Синьцзяне, а также общался с десятками уйгурских беженцев – исследователей, активистов и обычных людей, которым удалось вырваться из полицейского государства. Эта книга – уникальное свидетельство о жизни внутри антиутопии и мощное предупреждение о том, как авторитарные режимы в союзе с технологическими корпорациями угрожают нашей свободе.

УДК 323.1(510)
ББК 63.3(5Кит)6

© Geoffrey Cain, 2021
© Дмитрий Виноградов, перевод,
2023
© ООО «Индивидуум Принт», 2023,
2024

ISBN 978-5-6048295-7-8

Оглавление

<i>Пояснения к исследованию, а также использованию уйгурских и ханьских имен</i>	9	14. Массовое интернирование	180
«Ситуация»	13	15. Большой мозг	196
1. Новые рубежи	19	16. Бюрократия разрастается, чтобы обслуживать бюрократию	205
2. Паноптикон	31	17. Темница разума	215
3. «Скайнет» тебя нашел	41	18. Новая холодная война?	224
4. Восхождение Китая	52	19. Великий перелом	238
5. Глубинная нейронная сеть	68	20. Нигде не в безопасности	252
6. «Или вы думаете, что я автомат?»	82	Разрушить паноптикон	257
7. Великое омоложение	92	<i>Благодарности</i>	273
8. Война Китая с терроризмом	106	<i>Примечания</i>	279
9. Три порока: терроризм, экстре- мизм и сепаратизм	118		
10. Люди — это данные	132		
11. Насколько вы благонадежны?	139		
12. Всевидящее око	152		
13. Приглашаем в концентрацион- ный лагерь!	163		

Маме, которая научила меня заботиться
о состоянии мира

Пояснения к исследованию, а также использованию уйгурских и ханьских имен

С августа 2017-го по сентябрь 2020 года я взял интервью у 168 уйгурских беженцев, работников технологического сектора, государственных чиновников, исследователей, ученых, активистов, а также бывшего китайского шпиона, намеревающегося перейти на сторону противника. Большинство из них попросили, чтобы при публикации наших интервью я использовал псевдонимы.

Это было единственным способом написать правдивую книгу об уйгурах, казахах и других этнических группах, угнетаемых на западе Китая. Их семьи, все еще находящиеся в КНР, в любой момент могут подвергнуться преследованиям или пыткам со стороны полиции или спецслужб. Некоторые из моих собеседников — общественные деятели, чьи истории уже получили широкую огласку, — разрешили использовать их настоящие имена.

«Майсем», имя главной героини этой книги, — псевдоним уйгурской девушки, с которой я познакомился в Анкаре, столице Турции, в октябре 2018 года. Я взял у нее четырнадцать интервью в период с октября 2018 по февраль 2021 года.

В процессе работы над книгой я задумывался о том, насколько целесообразно брать интервью у беженцев, которые, прикрываясь

вымышленными именами, могут приукрасить или исказить свои истории, чтобы справиться с невыносимой психологической травмой.

Фиксируя политические катаклизмы и преступления против прав человека, журналисты, исследователи и писатели придерживаются давней традиции опираться на показания беженцев — еврейских, кубинских, китайских и северокорейских, а также русских-белоземigrants, — иногда скрывая их настоящие имена и личные данные.

Как и некоторые другие авторы, во время работы иностранным корреспондентом я брал интервью у беженцев и людей, находящихся в опасных ситуациях, чья карьера или жизнь были под угрозой. Я знал, как избежать подводных камней в работе над этой книгой.

Все заявления ключевых персонажей я тщательно перепроверял при помощи людей, которые знали их и слышали их истории раньше. Кроме того, я сверял показания моих собеседников со свидетельствами других беженцев, сообщениями СМИ, общедоступной хронологией событий, базой данных жертв в Синьцзяне на сайте shahit.biz, выступлениями китайских руководителей в государственных медиа, отчетами по правам человека Human Rights Watch, Уйгурского проекта по защите прав человека (UHRP), Конгресса США и Госдепартамента США, а также данными небольшой исследовательской группы, анализирующей спутниковые снимки, компьютерные данные и корпоративные отчеты китайских компаний.

Со своими ключевыми собеседниками я встречался от четырех до двадцати пяти раз, проведя с каждым от восьми до шестидесяти часов. В ходе интервью я возвращался к одним и тем же вопросам, внимательно следя за несоответствиями или упущениями. В двух из 168 бесед я выявил незначительные расхождения. В ходе еще одного интервью я обнаружил, что собеседник утаил дискредитирующую его информацию, пытаясь убедить меня, что является жертвой, а не виновником событий.

Эти три интервью я не использовал в книге.

Все остальные истории оставались последовательными вплоть до мельчайших деталей: дат, мест, адресов и имен. Большинство из них подтверждалось спутниковыми снимками Google Maps, слитыми правительственными документами и тендерной документацией,

предоставленной мне собеседниками; годовыми отчетами, опубликованными в интернете китайскими корпорациями, а также моими собственными наблюдениями и путешествиями по Синьцзяну.

С декабря 2020-го по февраль 2021 года я работал с Вэнь-йи Ли — тайваньской технологической журналисткой и носительницей мандаринского диалекта китайского языка, которая провела строгий фактчекинг и перепроверила материалы этой книги. Она просмотрела записи и расшифровки интервью, созвонилась с моими собеседниками и сверила полученную от них информацию, лишней раз исследовала их истории на предмет изменений или упущений, а также провела скрупулезную проверку первоисточников — как в оригинальном виде, на мандаринском диалекте китайского языка, так и в переводе, в англоязычных материалах СМИ и исследованиях. В дополнение к этому я попросил академических специалистов проверить фрагменты текста, посвященные специфике искусственного интеллекта, распознавания лиц, полупроводников, забора образцов ДНК и другим технологическим аспектам. Эти эксперты — некоторые из них весьма известны в своих областях — подтвердили, что рассказы уйгуров о китайском надзорном государстве достоверны с технологической точки зрения. Ответственность за все оставшиеся ошибки я беру на себя.

Поскольку китайское надзорное государство становится все более искусственным, я утаил или завуалировал некоторую информацию: точную хронологию, местоположение, возраст людей и временной интервал между событиями. Рассказывая историю Майсем (кстати, ее псевдоним был выбран в честь героини из истории уйгуров), я убрал из повествования даты и локации, которые могли бы указать на ее личность, а также скрыл, сколько именно времени прошло между событиями, пока она находилась в заключении. Это был единственный способ защитить моих информантов, не нарушив достоверность их рассказов. Если бы я раскрыл слишком много, спецслужбы без труда вычислили бы моих собеседников, а также их родственников и друзей.

Порядок написания уйгурских имен соответствует следующему принципу: сначала идет имя, затем фамилия. Ханьские имена следуют обратному правилу: сначала фамилия, потом имя. Из уважения к упоминаемым в этой книге людям на английском языке их имена

приводятся в том виде, в котором они предпочитают писать их сами. Часть из них предпочитает писать свои ханьские имена так, как это принято на английском: сначала имя, потом фамилия (Кай-Фу Ли), в отличие от обычного варианта (Си Цзиньпин). Для записи ханьских слов и имен буквами латинского алфавита используется система пиньинь — международный стандарт романизации мандаринского наречия китайского языка.

«Ситуация»

Антиутопию в регионе Синьцзян на западе Китая местные жители называют «Ситуацией»¹.

С 2017 года примерно 1,8 млн уйгуров, казахов и представителей других — преимущественно мусульманских — меньшинств были обвинены властями в вынашивании «идеологических вирусов» и «террористических мыслей» и распределены по сотням концентрационных лагерей. Многие лагеря располагались в зданиях средних школ и других учреждениях, перепрофилированных в места заключения, предназначенные для пыток, «промыывания мозгов» и индоктринации. Это крупнейшее интернирование этнических меньшинств со времен Холокоста.

Даже если вы и не попали в лагерь, ваша повседневная жизнь похожа на ад. Если вы женщина, возможно, вам каждое утро приходится просыпаться рядом с незнакомцем, которым правительство заменило вашего партнера, «исчезнувшего» в лагере. Каждое утро перед работой этот соглядатай будет учить вашу семью государственным добродетелям — верности, идеологической чистоте и гармоничным отношениям с коммунистической партией. Он будет следить за вашими «успехами», задавая вопросы, чтобы убедиться, что вы не «заразились» тем, что правительство называет «вирусами разума» и «тремя пороками»: терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

После утренней индоктринации вы можете услышать стук в дверь. Представитель власти, поставленный государством следить за кварталом из десяти домов, проверит вас на предмет «нарушений» вроде наличия более трех детей или владения религиозными книгами. Он может поинтересоваться, почему вы вчера опоздали на работу.

Вероятно, он скажет, что «на вас донесли соседи».

Из-за совершенного преступления — например, неправильно поставленного будильника — вам придется явиться на допрос в местный полицейский участок и объясниться.

После ежедневной проверки районный надзиратель сканирует карточку на устройстве, установленном на вашей двери. Это означает, что инспектирование закончено.

Повсюду, куда бы вы ни заехали перед работой — на заправку или в продуктовый магазин, чтобы купить что-нибудь для ужина, — вы сканируете свой ID. Прямо на входе, перед вооруженными охранниками. На дисплее рядом со сканером загорается надпись «заслуживает доверия», означающая, что власти признали вас добропорядочным гражданином. Вам разрешено войти.

Если загорится уведомление «не заслуживает доверия», то человека не пустят внутрь, а быстрая проверка его статистических данных может привести к дальнейшим проблемам. Возможно, камеры распознавания лиц засекли его молящимся в мечети. Или зафиксировали, как он покупает упаковку из шести бутылок пива, и искусственный интеллект (ИИ) заподозрил у него наличие проблем с алкоголем. Он может никогда не узнать причину. Но всем известно, что за любой небольшой прокол государство может понизить ваш рейтинг благонадежности.

К такому человеку подходят полицейские. Они перепроверяют его личность на своих смартфонах с помощью приложения под названием «Интегрированная платформа совместных операций» (англ. Integrated Joint Operations Platform, IJOP), которое содержит массив данных, собранных государством на каждого гражданина с помощью миллионов камер, судебных протоколов и бытового шпионажа и обработанных искусственным интеллектом. В рамках «программы предиктивного полицейского контроля» ИИ определяет, что в будущем этот человек

совершит преступление, и рекомендует отправить его в лагерь. Полицейские соглашаются. Его увозят на полицейской машине. После периода «перевоспитания» он сможет вернуться — а возможно, его больше никто и никогда не увидит.

Отстояв очередь на отдельной кассе для меньшинств, вы расплачиваетесь за продукты. Установленные государством камеры и мессенджер WeChat отслеживают ваши покупки. Вы выходите из магазина и едете на работу. По дороге вы проезжаете дюжину полицейских постов — так называемых «удобных полицейских участков». Удобных для кого? На двух постах вас останавливают, требуют предъявить идентификационные документы и спрашивают, куда вы направляетесь. Удовлетворенные, они пропускают вас, но лишь благодаря вашему статусу «заслуживает доверия».

В офисе за вами постоянно следят коллеги. Перед началом рабочего дня все встают и поют национальный гимн, затем смотрят короткий пропагандистский фильм о том, как вычислить террориста. В нем объясняется, что террорист, «весьма вероятно, бросит пить и курить, причем внезапно». Вам становится смешно. Но коллеги могут сообщить о неуважительном поведении в надежде на вознаграждение от государства или повышение рейтинга доверия. На протяжении всего фильма вы не издаете ни звука.

Если вы женщина, то каждый полдень вам нужно принимать предписанное государством противозачаточное средство. И вам еще повезло — ваших коллег часто вызывают в местную клинику на принудительную стерилизацию. Государство заявляет, что хочет сократить рождаемость среди меньшинств, утверждая, что ее снижение приведет к экономическому процветанию.

После работы вы отправляетесь домой, проезжаете еще десяток полицейских постов, а затем сканируете свой ID, чтобы открыть ворота на въезде в ваш район — гетто, окруженное забором или бетонной стеной, куда никто не может войти и выйти без удостоверения личности. Дома ваши дети рассказывают вам о партийных добродетелях патриотизма и гармонии, которые они изучали в школе. Вы не спорите с тем, чему их учат. Учителя велели ученикам доносить на родителей, выражающих несогласие.

Пужинав и посмотрев вечерние новости перед камерой, которую государство разместило в углу вашей гостиной, вы ложитесь в постель со своим государственным соглядатаем. Вы надеетесь, что сможете заснуть. Приходится помнить, что в постели он имеет полную власть, потому что его прислало государство. Воспротивитесь его пристава-ниям — он придумает обвинение, напишет донос, и вы отправитесь в лагерь.

К счастью, сегодня все прошло хорошо. Но завтра удача может вернуться. Вы засыпаете, а на следующее утро все повторяется. Это день из жизни уйгура, казаха или представителя другого этнического меньшинства в Синьцзяне.

[]

Эта книга рассказывает о том, как Синьцзян стал самой изохронной в мире надзорной антиутопией — как сложилась «Ситуация» и что она значит для нашего будущего в условиях, когда мы осваиваем беспрецедентные достижения в области искусственного интеллекта, распознавания лиц, систем наблюдения и других технологий.

Падение башен-близнецов в сентябре 2001 года в Нью-Йорке стало самым наглядным террористическим актом, когда-либо явленным миру. Китайское правительство в Пекине, находящееся на расстоянии более 10 тысяч километров от произошедшего, увидело в этом возможность укрепить свой авторитарный режим. Месяц спустя Китай начал собственную войну с терроризмом, главным объектом внимания которой стали экстремистские группы мусульман-уйгуров из Синьцзяна.

Однако с 2001 по 2009 год благодаря наличию богатых запасов нефти и строительному буму в Синьцзяне царили относительный мир и благополучие. Но плоды успеха не были справедливо распределены между меньшинствами Синьцзяна, имевшими исторические притязания на эту землю, и ханьцами-поселенцами, прибывшими с востока в поисках богатства и возможностей.

Накапливая недовольство в течение почти десятилетия, в июле 2009 года взбунтовавшиеся уйгуры вышли на улицы Урумчи, админи-

стративного центра Синьцзяна. В ответ власти отключили интернет и связь и похитили огромное количество молодых уйгурских мужчин. Некоторые из них были казнены по обвинению в разжигании жестокой сепаратистской смуты.

Столкнувшись с преследованием, с 2009 по 2014 год тысячи уйгурских мужчин-мусульман отправились в Афганистан и Сирию. Они тренировались и сражались на стороне объединений, связанных с ИГИЛ*, надеясь однажды вернуться в Китай и начать против него *джихад*, или «священную войну». Новоявленные террористы развернули в Китае кампанию перестрелок, убийств и поножовщины, а также предприняли попытку угнать самолет.

С 2014 по 2016 год борьба Китая с терроризмом достигла уровня невиданной жестокости. В дело пошли традиционный силовой полицейский контроль и «работа с населением», которая в действительности сводилась к вербовке стукачей в семьях, школах и офисах. Но, по мнению правительства, для полного подавления террористической угрозы этого было недостаточно.

В августе 2016 года регион возглавил авторитарный лидер по имени Чэнь Цюаньго, занявший пост лидера коммунистической партии Синьцзяна. Он внедрил новые технологии для наблюдения и контроля над населением. Используя массивы данных, он создал программу предиктивного полицейского учета, в рамках которой подозреваемого могли задержать, если искусственный интеллект предсказал, что тот совершит преступление *в будущем*. Он построил сотни концентрационных лагерей, официально называемых центрами «содержания под стражей», «профессиональной подготовки» и «перевоспитания». К 2017 году число заключенных в них выросло до 1,5 млн человек — из 11 млн уйгурского населения.

Цель Китая — стереть идентичность, культуру и историю народа и добиться полной ассимиляции миллионов людей.

* Запрещенная в РФ террористическая организация. — Здесь и далее примечания редактора и переводчика.

«Невозможно выкорчевать по одному все сорняки, спрятавшиеся среди посевов, — нужно распылить химикаты, чтобы убить их все сразу, — заявил один чиновник в январе 2018 года. — Перевоспитывать этих людей — все равно что распылять химикаты в поле»².

Так Китай построил идеальное полицейское государство.

Новые рубежи

Да здравствует великая, славная и безупречная
коммунистическая партия Китая!

Государственный пропагандистский лозунг

«Видишь террориста — бей террориста!» — выкрикнул полицейский.

У рынка под открытым небом стояли трое высоких, коренастых офицеров антитеррористических служб, одетых в черную форму спецназа, в солнцезащитных очках и пуленепробиваемых жилетах. Перед ними выстроились в ряд владельцы лавок, каждый из них сжимал в руках деревянную дубинку. Шли учения. По знаку полицейского зазвучал сигнал тревоги. Тренировка началась: нужно бить сильно и быстро, прижать воображаемого террориста к земле.

«Любим партию, любим страну!» — хором прокричали собравшиеся.

Украдкой засняв происходящее на мобильный телефон, я собрался уходить. Один из полицейских, в солнцезащитных очках со встроенной камерой, подключенной к базе данных китайской системы наблюдения «Скайнет» (камера была подсоединена к мини-компьютеру в его кармане), повернулся и посмотрел на меня. Вероятно, будь я местным жителем, через несколько секунд он увидел бы мое имя и номер

национального ID на линзах своих очков¹. Не успел я опомниться, как полицейские меня окружили. Не знаю, откуда они взялись и как долго наблюдали за мной. Но дружелюбными они не выглядели... Почти двухметровый громила в стандартной полицейской униформе, офицерской фуражке и белой рубашке на пуговицах выхватил у меня телефон и потребовал паспорт. «Пройдемте с нами», — сказал он.

В тот холодный декабрьский день в Кашгаре я выдавал себя за туриста-бэкпекера*. Накануне я прилетел двухчасовым рейсом из Урумчи и высадился в маленьком ветхом аэропорту Кашгара. Туристическая виза позволяла мне посетить этот малоизвестный, преимущественно мусульманский край пустынных оазисов и ледяных гор размером вдвое больше Техаса, расположенный на самом западе Китая вблизи границы с Афганистаном и Пакистаном.

В течение последнего десятилетия я занимался документированием того, как по всему миру возникают авторитарные государства и как они все более изощренно применяют новые технологии для отслеживания, контроля и даже истребления собственного населения. Я описывал повстанческие движения, диктатуры и геноциды в Северной Корее, Китае, Мьянме и России. Но когда меня задержали в Кашгаре, я понял, что никогда раньше не сталкивался с настолько отлаженным и угрожающим государственным надзором.

Скорее всего, за мной следили с момента приезда. Коллеги-журналисты предупреждали меня, что номера в гостиницах прослушиваются, а оставленные в них ноутбуки и смартфоны проверяются властями. Размещенные по всей стране 170 млн камер² (многие из них могут идентифицировать человека на расстоянии до 15 км³); устройства, называемые вайфай-снифферами**, с помощью которых государство собирает данные обо всех смартфонах и компьютерах, находящихся в зоне их действия...⁴ Вероятно, к моменту, когда я сошел с самолета, здесь обо мне уже многое знали.

* Бэкпекинг, или рюкзачество (от англ. backpack — «рюкзак»), — вид туризма, подразумевающий самостоятельные путешествия с рюкзаком без жесткой привязки к маршруту.

** Сниффер (от англ. sniff — «нюхать», «вынюхивать») — устройство, используемое для перехвата и анализа сетевого трафика.